

5 Наш

Горький

Отмечая восьмидесятилетие со дня рождения Горького, мы вновь и вновь испытываем чувство национальной гордости. Могучий русский народ, создавший гениальную литературу, философию, передовую науку, обогативший мир учением Ленина—Сталина — высшим достижением русской и мировой культуры, — выдвинул великого художника, чье творчество ознаменовало переход человечества к новой исторической эре — к коммунизму.

В 1893 году Энгельс писал в предисловии к итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста»:

«Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлел час рождения этой новой, пролетарской эры?»

Энгельс не мог знать, когда писал эти строки, что в одной из газет, выходивших в городе Тифлисе, в 1892 году напечатал свой первый рассказ молодой писатель, которому история повелела запечатлеть в лучших художественных образах час рождения новой эры. Не Италия, а наша родина, которая, по выражению товарища Сталина, «...была беременна революцией», дала миру нового гения, чей богатырский творческий размах выражал неисчерпаемую силу русского рабочего класса, русского трудового народа.

В творчестве Горького предстал образ нового хозяина земли, «Человека нового человечества». В пьесе «Мещане» впервые в истории мировой литературы был воплощен образ революционного пролетария, с его романтической готовностью «штурмовать небо» и с его трезвой хозяйственной повадкой строителя и созидателя. В лице паровозного машиниста Нила в литературу пришли те миллионы «маленьких великих людей», которые, по слову Горького, создают все ценное, все прекрасное и разумное на земле. И пришли они уже не только в качестве «униженных и оскорбленных», но в новом историческом качестве завтрашних хозяев родины. Слова-формулы Нила произносили вместе с ним миллионы людей:

«Хозяин тот, кто трудится!»...

Никогда еще в литературе не было столь весомых слов!

«Права не дают, права берут!»...

«Нет такого расписания движения, которое бы не изменялось!»...

Весь образ Нила был проникнут той огромной творческой, новаторской, революционной энергией народных масс, о которой сказал товарищ Сталин в статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи»: «...великая энергия рождается лишь для великой цели».

Эта великая энергия, активное, творческое отношение к жизни и характеризует горьковского героя. Жизнь для него — творчество и неустанные борьба за свободу творчества.

В пьесе «Враги», в романе-поэме

«Мать» и в ряде произведений Горький воплотил образы передовых людей человечества — большевиков, учеников Ленина и Сталина, борцов за коммунизм. Все лучшее, что сделано Горьким, вдохновлено партией большевиков, воспитывавшей своего художника, вдохновлено дружбой писателя с Лениным и Сталиным, суворо критиковавшими его ошибки, чутко и мудро помогавшими ему идти вместе с партией, создавать свои лучшие образы.

Начало нового мира и конец, крах, свирепая и отвратительная агония *старого*

мира — вот коренные темы горьковского творчества.

Труд для Горького — основа человечности; только люди труда и являются людьми в подлинном смысле этого слова, — такова истинна, впервые на языке художественных образов выраженная Горьким. Людям труда противостоят *не-люди*, *человекоподобные*, утратившие все человеческое: так характеризовал Горький лагерь мировой реакции — «касту людей численно ничтожную, совершенно безответственную и уже безумную», порождающую фашизм во всех его разновидностях, мечтающую об истреблении миллионов людей. Разоблачая в своих страстных, грозных памфлетах «группу всемирных грабителей и убийц», Горький говорил с смерзением и гневом, что она, «морально разлагающаяся... воспитывает все большее количество воров, мошенников, бандитов». «Банкир рождает бандита», — эти слова Горького подтверждают все новыми фактами. В самом деле, разве отличишь какого-нибудь американского банковского дельца, вроде Гарримана, Форрестолла, Даллеса, или банковского лакея Трумэна от гангстера? Безответственная каста убийц, поджигателей войны, пытающаяся навязать всему миру бандитские идеи дикого насилия и господства над всеми народами, — идеи, облеченные в «доктрины Трумэна» или «план Маршалла», — таков современный гангстеризм в политике.

В своих очерках об Америке Горький издевался над идейным и моральным убожеством тупоголовых властителей американской жизни. Он создал их синтетический образ в лице одного из «Королей республики» — некоего миллиардера.

«Что вы делаете с вашими деньгами?»

«Я делаю ими еще деньги.»

«Почему?»

— Чтобы сделать еще деньги.

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, опираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы сумасшедший?»

Стремление к созиданию, любовь к творчеству, к труду, вообще какие-либо интересы, не связанные с «деланием денег», — все это кажется владыкам Америки «сумасшествием». Поэтому они с такой легкостью и превратили бы, — если бы могли! — весь мир в развалины: ведь, кроме денег, для них нет никаких ценностей на земле. Не ясно ли, что именно они и являются безумцами, одичавшим зверем, самое существование которого опасно для человечества.

«Америка, — говорит миллионер, нарисованный Горьким, — лучшая страна мира... Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир!»...

Разве это не голос маршаллов, трумэнов, даллесов со всей характерной тупостью мертвенных интонаций, свойственных нечеловеческому голосу доллара!

Маниаков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать *трагикомическую* сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллиона...»

Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченнность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь признаками к основному своему уродству, и мне кажется, что, на-верное, это признаки убогие, комические.

Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных Черчиллей и Трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед силами демократии, перед своим народом и перед трудовыми людьми всего мира, тайное сознание обреченнности всех своих «планов» и «доктрин», чувство своей слабости, несмотря на все виды вооружения, имеющиеся в их распоряжении. Оттого-то они так злобно пишут свои книги, свои наглые «послания», оттого-то они разражаются на весь мир такой постыдной военной истерией, в которой каждый же злобы, сколько и страха.

Горький выразил всем своим творчеством непоколебимую уверенность миллиардов простых людей в непобедимой силе демократии и социализма.

Будущее — за нами, за людьми, подобными горьковскому Нилу, Павлу Влажи

сову, за людьми труда и творчества, а не за сумасшедшими, бессильными в своей ярости врагами труда, культуры, свободы, врагами самой жизни человечества.

«Делателям доллара» не удастся их черный замысел — бросить человечество в пламя новой войны. Порукой этому —

неизмеримо возросшее в наши дни могущество лагеря демократии и социализма во всем мире, творческая воля советских людей, строящих коммунизм под мудрым, вдохновенным руководством партии большевиков и великого друга и учителя Горького, вождя советских народов И. В. Сталина. В статье «Правда социализма» (1934 г.) Горький писал:

«Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии... Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложных качествах людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до высоты, — поставили его на место Ленина. Пролетариат Союза Советов горд и счастлив тем, что у него такие вожди, как Сталин и другие верные последователи Ильича...»

Для Горького Ленин и Сталин являлись гениальным воплощением всех самых лучших черт миллиардов простых людей, тружеников и созидателей. Великий труженик, Горький нежной и страстной любовью любил «тех, кто трудится», и не навидел паразитов, убийц, *человекоподобных*.

«Победим мы», — говорит Павел Влажин, герой романа «Мать».

Побеждает воля к свободе и счастью, к творчеству и созиданию, к миру и дружбе народов. Побеждает дело демократии и социализма, за которое отдал все свои силы и самую свою жизнь великий русский писатель, строитель коммунизма, друг и последователь Ленина и Сталина — наш Горький!

— Чтобы сделать еще деньги.

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, опираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы сумасшедший?»

Стремление к созиданию, любовь к творчеству, к труду, вообще какие-либо интересы, не связанные с «деланием денег», — все это кажется владыкам Америки «сумасшествием». Поэтому они с такой легкостью и превратили бы, — если бы могли! — весь мир в развалины: ведь, кроме денег, для них нет никаких ценностей на земле. Не ясно ли, что именно они и являются безумцами, одичавшим зверем, самое существование которого опасно для человечества.

«Америка, — говорит миллионер, нарисованный Горьким, — лучшая страна мира... Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир!»...

Разве это не голос маршаллов, трумэнов, даллесов со всей характерной тупостью мертвенных интонаций, свойственных нечеловеческому голосу доллара!

Маниаков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать *трагикомическую* сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллиона...»

Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченнность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь признаками к основному своему уродству, и мне кажется, что, на-верное, это признаки убогие, комические.

Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных Черчиллей и Трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед силами демократии, перед своим народом и перед трудовыми людьми всего мира, тайное сознание обреченнности всех своих «планов» и «доктрин», чувство своей слабости, несмотря на все виды вооружения, имеющиеся в их распоряжении. Оттого-то они так злобно пишут свои книги, свои наглые «послания», оттого-то они разражаются на весь мир такой постыдной военной истерией, в которой каждый же злобы, сколько и страха.

Горький выразил всем своим творчеством непоколебимую уверенность миллиардов простых людей в непобедимой силе демократии и социализма.

Будущее — за нами, за людьми, подобными горьковскому Нилу, Павлу Влажи

сову, за людьми труда и творчества, а не за сумасшедшими, бессильными в своей ярости врагами труда, культуры, свободы, врагами самой жизни человечества.

«Делателям доллара» не удастся их черный замысел — бросить человечество в пламя новой войны. Порукой этому —

неизмеримо возросшее в наши дни могущество лагеря демократии и социализма во всем мире, творческая воля советских людей, строящих коммунизм под мудрым, вдохновенным руководством партии большевиков и великого друга и учителя Горького, вождя советских народов И. В. Сталина. В статье «Правда социализма» (1934 г.) Горький писал:

«Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии... Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложных качествах людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до высоты, — поставили его на место Ленина. Пролетариат Союза Советов горд и счастлив тем, что у него такие вожди, как Сталин и другие верные последователи Ильича...»

Для Горького Ленин и Сталин являлись гениальным воплощением всех самых лучших черт миллиардов простых людей, тружеников и созидателей. Великий труженик, Горький нежной и страстной любовью любил «тех, кто трудится», и не навидел паразитов, убийц, *человекоподобных*.

«Победим мы», — говорит Павел Влажин, герой романа «Мать».

Побеждает воля к свободе и счастью, к творчеству и созиданию, к миру и дружбе народов. Побеждает дело демократии и социализма, за которое отдал все свои силы и самую свою жизнь великий русский писатель, строитель коммунизма, друг и последователь Ленина и Сталина — наш Горький!

— Чтобы сделать еще деньги.

— Зачем? — повторил я.

Он наклонился ко мне, опираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

— Вы сумасшедший?»

Стремление к созиданию, любовь к творчеству, к труду, вообще какие-либо интересы, не связанные с «деланием денег», — все это кажется владыкам Америки «сумасшествием». Поэтому они с такой легкостью и превратили бы, — если бы могли! — весь мир в развалины: ведь, кроме денег, для них нет никаких ценностей на земле. Не ясно ли, что именно они и являются безумцами, одичавшим зверем, самое существование которого опасно для человечества.

«Америка, — говорит миллионер, нарисованный Горьким, — лучшая страна мира... Американцы — лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро придет весь мир!»...

Разве это не голос маршаллов, трумэнов, даллесов со всей характерной тупостью мертвенных интонаций, свойственных нечеловеческому голосу доллара!

Маниаков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать *трагикомическую* сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллиона...»

Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченнность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь признаками к основному своему уродству, и мне кажется, что, на-верное, это признаки убогие, комические.

Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных Черчиллей и Трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед силами демократии, перед своим народом и перед трудовыми людьми всего мира, тайное сознание обреченнности всех своих «планов» и «доктрин», чувство своей слабости, несмотря на все виды вооружения, имеющиеся в их распоряжении. Оттого-то они так злобно пишут свои книги, свои наглые «послания», оттого-то они разражаются на весь мир такой постыдной военной истерией, в которой каждый же злобы, сколько и страха.

Горький выразил всем своим творчеством непоколебимую уверенность миллиардов простых людей в непобедимой силе демократии и социализма.

Будущее — за нами, за людьми, подобными горьковскому Нилу, Павлу Влажи

сову, за людьми труда и творчества, а не за сумасшедшими, бессильными в своей ярости врагами труда, культуры, свободы, врагами самой жизни человечества.

«Делателям доллара» не удастся их черный замысел — бросить человечество в пламя новой войны. Порукой этому —

неизмеримо возросшее в наши дни могущество лагеря демократии и социализма.

Маниаков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать *трагикомическую* сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллиона...»

Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченнность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь признаками к основному своему уродству, и мне кажется, что, на-верное, это признаки убогие, комические.

Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных Черчиллей и Трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед силами демократии, перед своим народом и перед трудовыми людьми всего мира, тайное сознание обреченнности всех своих «планов» и «доктрин», чувство своей слабости, несмотря на все виды вооружения, имеющиеся в их распоряжении. Оттого-то они так злобно пишут свои книги, свои наглые «послания», оттого-то они разражаются на весь мир такой постыдной военной истерией, в которой каждый же злобы, сколько и страха.

Горький выразил всем своим творчеством непоколебимую уверенность миллиардов простых людей в непобедимой силе демократии и социализма.

Будущее — за нами, за людьми, подобными горьковскому Нилу, Павлу Влажи

сову, за людьми труда и творчества, а не за сумасшедшими, бессильными в своей ярости врагами труда, культуры, свободы, врагами самой жизни человечества.

«Делателям доллара» не удастся их черный замысел — бросить человечество в пламя новой войны. Порукой этому —

неизмеримо возросшее в наши дни могущество лагеря демократии и социализма.

Маниаков наживы и убийства, командующих в странах буржуазной демократии, Горький считал «существами низшего типа». Он говорил, что писатели должны уметь показывать *трагикомическую* сущность этих уродливых существ: в частности, авторы книг для детей должны уметь показать своим читателям «уродливо-смешную жизнь миллиона...»

Литература должна уметь раскрывать жалкую, презренную сущность хозяев современного буржуазного мира и их слабость, обреченнность.

«Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов. Но если драматург возьмет его только с этой стороны, — только как существо ненавидящее, — это будет не весь Черчилль, и потому — не живой Черчилль... Он, вероятно, обладает еще какими-нибудь признаками к основному своему уродству, и мне кажется, что, на-верное, это признаки убогие, комические.

Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги».

Да, у всех этих существ, у разнообразных Черчиллей и Трумэнов, есть нечто, что «тайно мучает» их: страх перед сил